Про Дюка

Еще хто бы нам, братцы, старину́ сказал,
Старину́-ту сказал да на старинный лад,
Еще хто бы-то ль, братцы, давнюю песню спел,
Еще песню-ту спел да под гуслярный звон?
Как во той-то ли было Малой Галичи,
Во Корелы-то было пребоґатоей,
Молодой-то жил боярин Дюк Степанович
Со своей-то родимоей со матушкой,
Со Мамельфой-то, верно, Александровной.
Говорит-то ведь Дюк да ведь Степанович:
«Уж ты гой еси, любима моя матушка,
Свет Мамельфа-то, верно, Александровна!
Уж как дай-ко-се мне благословеньице
Еще съездить-то мне как в стольный Киев-град,
Поклонитьсе-то ведь мне князю Владимиру
И княгинюшке, верно, да Апраксии».
Говорила-то ведь мать да Мамельфа Александровна:
«Уж ты гой еси, любимо моё дитятко,
Молодой-то боярин Дюк Степанович!
Еще есть-то на пути горы толкучие,
Еще есть-то на пути птицы клёвучие».
Говорит-то ей, верно, Дюк Степанович:
«У мня есть-то ведь бурушко-косматушко,
Не боюся я ведь горы да тут толкучие,
Не боюся я, верно, птицы клёвучие».
И дала ему тут мать благословеньице,
И поехал он ведь в стольный, верно, Киев-град.
Подъезжает-то ведь Дюк да, верно, Степанович,
Подъезжает он к горам да вот толкучиим.
Не успели тут горы как раздвинутце —
Проскакал-то его да ведь бурушко.
Подъезжает он к птица́м да ведь клёвучиим.
Не успели тут птицы крылья распустити же —
Как проскакиват-то, верно, его бурушко.
Приезжает-то ведь Дюк да вот Степанович,

Приезжает он да, верно, в стольный Киев-град.
Заходил-то ведь он во церькву божию,
Еще стал-то ведь он да к праву клиросу.
Еще кончилась обедня вот Господня же.
Как выходит-то, верно, Дюк Степанович,
Приглашают-то на пир к князю́ Владимиру.
Как идет по мостовым-то Дюк Степанович,
Еще сам-то на сапожки он поглядыват,
Говорит-то ведь дак Дюк Степанович:
«Еще всё-то ведь здесь да не по-нашому,
Мостовые-то ведь все да деревянные,
И песочком-то ведь да не присыпаны,
Как сапожки-то сафьяны я упачкаю».
Приглашают-то его на честен пир к князю́ Владимиру.
Еще был тут во стольном Киеве
Молодой-то боярин Чурила Пленкович.
Как идет-то Чурила как по Киеву,
Еще зонтиком, Чурила, призакрылся он —
Еще девушки глядят, да все заборы трёщат,
Как молодушки глядят, да как оконницы звенят,
Еще старые старухи костыли грызут.
Посадили за столы да за дубовые
И за скатерти его, верно, браные,
Подносили-то ведь Дюку да Степанычу,
Подносили-то чару зелена́ вина.
Еще полчарочки-то пьёт, друга под стол он льёт,
Как берёт-то колачик, призакусывает,
Как ведь верхнюю-то корку съест, нижню под стол мечёт.
Говорит-то ему да князь Владимир жо:
«Уж ты гой есь, молодой да ведь боярин жо,
Молодой ты боярин, Дюк Степанович!
Почему ты ведь чарочки под стол-то льёшь,
Почему ты колачики под стол мечёшь?»
Говорит-то ведь Дюк да, верно, Степанович:
«Еще всё-то у вас в Киеве да не по-нашому:
Как у вас-то ведь в Киеве печи-ти всё глиня́ные,
А помя́лышка, верно, как сосновые,
Еще колачики пахнут, верно, сосенкой.
Как у нас-то ведь, верно, в Малой Галичи,

Во Корелы-то, верно, пребоґатоей,
Еще печки-ти у нас да все муравлены,
А помя́лышка у нас да все шолко́вые,
Еще водичка у вас да призадохлася —
Мочат у нас помя́лышка да в медово́й воде,
А водичка у нас в погребах стоит,
На серебряных цепях она качается,
Никогда наша вода не задыхается».
Говорит тут молодой боярин Чурила Младопленкович:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Еще молодой-то боярин призахвастался,
Я советую его да посадить в тюрьму
И послать-то туда да нынь разведчиков».
Как взяли-то ведь тут Дюка да Степановича,
Посадили же его да во тюремку же.
Выбирают нонь да, верно, всё разведчиков.
Посылают-то Илью да, верно, Муромца,
Посылают-то другого что Добрынюшку Никитича.
Собираются ведь наши бояры живёхонько,
Поезжают-то они во Малу Галичу,
И поехал Добрынюшка Никитич же
И со Ильей-то старым да со Муромцем.
Как ведь выехали на гору Сорочинскую
И глядят, верно, в трубу они серебряну,
Говорит-то Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты гой еси, Илеюшко Иванович!
Ведь, наверно, Мала Галича огнем горит».
Говорит-то Илья да, верно, Муромец:
«Уж мы скажем-то, Добрынюшка Никитич млад,
Неужели посылал Дюк Степанович вести же,
Чтоб спалили его да Малу Галичу?»
Вот и съехали с горы да с Сорочинскоей,
Подъезжают-то они да к Малой Галиче,
А на домах-то кровли всюду зо́лоты,
Крыши зо́лоты — да как огонь горит.
Как слезают они с добрых коней же
И привязывают коней к столбам дубовым же.
Еще заходят Илья да со Добрынюшкой
И заходят да в палаты белокаменны.

Как проходят-то они да перву горницу,
Еще сидит-то нонь тут да баба старая —
Еще вся-то одета она в шелка заморские.
Говорит тут Илья да, верно, Муромец:
«Уж ты здравствуй, ты Дюкова да матушка!»
Говорит-то ему да баба старая:
«Я не Дюкова да, верно, матушка,
Уж я Дюкова-то, верно, калачница».
Еще входят они да в другу́ горницу —
А сидит-то нонь тут да баба старая,
И одета баба да вся в се́ребро.
Говорит тут Илья да, верно, Муромец:
«Уж здравствуй, ты Дюкова да матушка!»
Говорит-то да баба, верно, старая:
«Я не Дюкова да, верно, матушка,
Уж я Дюкова да, верно, ноне нянюшка».
Говорит тут Илья да свет Иванович:
«Уж скажи нам, да Дюкова, верно, нянюшка,
Еще где-ка увидеть Дюкову-ту матушку?»
Говорила-то ведь им да баба старая:
«Еще Дюкова матушка да у обеденки».
Как немножко тут времечка проходит же,
И идет-то ведь Дюкова да матушка.
Ее ведут-то ведь трое, верно, под руки,
И одета она вся вот в жемчуг ска́ченой.
По мосточкам-то всё да по калиновым
Впереди-то ей сукна, верно, стелются,
Позади-то ее сукна обираются.
Как приходит да, верно, Дюкова матушка,
Поклонился ведь ей да Илья Муромец:
«Уж ты здравствуй, Дюкова, верно, матушка!
Еще мы приехали к тебе да приразведати —
Еще твой-от сын да призахвастался,
Призахвастался, ноне во тюрьме сидит».
Говорит ему да Дюкова, верно, матушка:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
Проходите ко мне да во палатушки».
Провела она их в столову нову горницу:
Во столовой полы да все хрустальные,

Под полами-то, верно, жива рыбица.
Наливала им Дюкова, верно, матушка
Что по чары зелена вина заморского —
Как по чары-то пьешь, да второй хочется,
Еще другу́-то пьешь — да третьей хочется.
Повела их Дюкова да, верно, матушка
Животы свои да им показывать.
Как писал Добрынюшка Никитич млад,
Как писал Добрыня на бумажечке,
На бумажечке, верно, да скорописчатой,
Он писал-считал сбруи конские,
Как одних-то сбруй записать не мог —
Не хватило у Добрынюшки бумажки ведь.
Говорила тут им Дюкова матушка:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы скажите-ка вашему князю Владимиру:
Еще пусть-ка на чернила он Чернигов-град продаст,
На бумагу-то он — славный Киев-град,
И тогда-то присылат ко мне описывать».
Распростился Илья-то и Добрынюшка
Как со Дюковой да, верно, они с матушкой
И поехали домой да в стольный Киев-град.
Приезжают они, верно, ко князю Владимиру,
Рассказали-то бога́тыри, чего видели.
Еще выпустили Дюка вот Степановича,
Угощают-то его да зеленым вином.
Тут Чурила-то, верно, Младопленкович
Он задорный был, завистливый,
Говорит Чурила да таковы слова:
«Уж мы будем биться о велик залог,
Не о ста-то рублях, не о тысяче —
О своих-то буйны́х со мной головах:
Уж мы ездить будем на добры́х конях,
На добры́х конях, верно, двенадцать дней,
Чтоб о каждый день были кони сменные,
Кони сменные да переменные».
Говорит-то Дюк, верно, Степанович,
Говорит-то таковы слова:
«У меня-де бурушко — завозный конь».

А от залога он-де не отказывается.
Станет поутру ранёшенько,
Выйдет на росу, верно, холоднёхоньку
И выводит свово бурушка-косматушку:
На бурушке шерсть переменится.
Так проездили они двенадцать дней.
На двенадцатый день пришло скочить
Через Почай-реку, верно, глубокую,
Скочить с ко́нем да обратно о́тскочить.
Первый ско́чил тут Чурила Младопленкович —
И обрушился Чурила насередь реки.
Второй ско́чил Дюк Степанович —
Реку пере́скочил и обратно скочи́л
И Чурилу за волосья вытащил.
Говорит-то, верно, Дюк Степанович.
Говорит-то таковы слова:
«Что ты, князь Владимир стольно-киевский,
Ты кому прикажешь голову рубить?»
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты оставь нам Чурилу хоть для памяти,
Не руби ему да буйну, верно, голову».
А Чурила был завистливый,
Говорит он да, верно, таковы слова:
«Уж мы будем ходить да в церкви божии,
Уж мы будем ходить да все двенадцать дней,
И на каждый день чтоб было платье сменное,
Платье сменное да переменное».
Говорит-то Дюк Степанович:
«У меня-де, Чурилушко, платье завозное».
А от залога не отказывается.
Садится он на ремянный стул,
Пишет Дюк да ярлыки он скорописчаты
Что своей ли родимоей матушке,
Зашивает он в сумки перемётные,
Отправляет он своёго бурушка косматого.
Прибегает бурушка, верно, в Малу Галичу.
Увидала тут Мамельфа Александровна:
Нет у ей родного сына Дюка ведь Степановича.
И горько она ведь тут заплакала.

Посмотрела она в сумки перемётные,
Увидала ярлыки да скорописчатые —
Прочитала ярлыки да скорописчатые,
Наложила ему платья она цве́тного,
Что цветно́го платья переменного,
Переменного платья на двенадцать дней.
Стали ходить тут в церковь божию
Дюк Степанович, верно, с Чурилушкой.
Как Чурилушка ставал на правый клирос,
Как Дюк Степанович — на левый клирос,
Пришло время на двенадцатый день,
Собралось народу множество.
Как Чурила Младопленкович застегнет пуговки —
Молодец с красной девицей обо́ймутся,
Расстегнет Чурила пуговки — да поцелуются.
Тут глядит Чурила на Дюка да Степановича,
Тут и думат: проиграл он буйну голову.
Как и кончилася тут обеденка церковная,
Вынимает Дюк Степанович плетку шелко́вую,
Как ударил Дюк Степанович по своим пуговкам —
Как вот заревели звери лютые,
Как и зашипели змеи ползучие,
А народ-то весь тут с ног попа́дали,
Князь Владимир с княгиней Апраксией чуть живы́ ушли.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, молодой-то боярин, Дюк Степанович!
Переиграл ты нашего Чурилу Пле́нковича».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Уж ты гой еси, Владимир-князь стольно-киевский!
Ты кому прикажешь рубити буйну голову?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«А оставь нам Чурилу хоть для памяти».
Говорит тогда Дюк, верно, Степанович:
«Эх, Чурила, ты млад боярский сын,
Не с бога́тырями бы тебе, Чурила, ведаться,
А водиться бы с киевскими бабами».
Распростился он с князем со Владимиром
И поехал на бурушке косматоем
Ко своей матушке Мамельфе Александровне.

(Зап. Колпаковой Н. П.: 4 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.